

Соколов Александр Юрьевич

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье предпринята попытка анализа влияния социального мифотворчества на трансформации этнической идентичности российских немцев. Результаты исследования показали, что тесная взаимосвязь между социальным мифотворчеством и конструированием идентичности российских немцев зависела от неравномерного социального развития и противоречий между Германией и Россией. Автор доказывает, что у немцев, проживающих на территории России, и германцев различная историческая память и различное соотношение структуры самовосприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 158-163. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925. 61 с.
15. Cavazza A. A. S. Chomjakov. Opinione di un russo sugli stranieri. Bologna, 1997. 231 p.
16. Simashenkov P. D. The Continuity of Negation as a Vector of Russian Political History // Europäische Fachhochschule. 2014. № 7. С. 31-33.

DICHOTOMY OF “TRANSPARENCY” AND SACRALITY OF RUSSIAN POWER IN HISTORIOSOPHICAL CONTEXT

Simashenkov Pavel Dmitrievich, Ph. D. in History
International Market Institute in Samara
pavel.simashenkov@yandex.ru

The article explores the phenomena of power transparency and sacrality. On the basis of the comparative historical analysis the author concludes about the negative effects of the cultivation of the transparency of power concerning Russian statehood. It is shown that the idea of “transparency” in Russia is most often seen and used as a means of discrediting state institutions. The author sees the solution of the dilemma “transparency or sacrality” in the traditional Russian understanding of power as historical responsibility and civil service – as service to the Fatherland.

Key words and phrases: transparency of power; sacrality; publicity; stability; officialdom; political history.

УДК 316.34

Философские науки

В статье предпринята попытка анализа влияния социального мифотворчества на трансформации этнической идентичности российских немцев. Результаты исследования показали, что тесная взаимосвязь между социальным мифотворчеством и конструированием идентичности российских немцев зависела от неравномерного социального развития и противоречий между Германией и Россией. Автор доказывает, что у немцев, проживающих на территории России, и германцев различная историческая память и различное соотношение структуры самовосприятия.

Ключевые слова и фразы: социальное мифотворчество; российские немцы; германцы; немецкая идентичность; самовосприятие; «немецкий вопрос»; «плавающая» идентичность.

Соколов Александр Юрьевич

Забайкальский государственный университет
science_museum_center@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФОТВОРЧЕСТВА НА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Понимание проблемы трансформации идентичности российских немцев не может быть полным без рассмотрения вопроса об исторической преемственности и сравнения с процессами развития идентичности у населения Германии. Исследования истории немецкого этноса проведены в трудах В. Аумана [1], В. Ф. Баумгертнера [2], И. Виллемса [5], А. А. Германа [6]. Большое внимание на формирование идентичности немцев уделено в исследованиях В. С. Курске [12], С. Оболенской [18], П. Шульце [26]. Роль мифа в германской культуре освещена в публикациях О. С. Нагорной [14], В. Шнирельмана [25]. В то же время требует дополнительного анализа роль социального мифотворчества как одного из факторов конструирования немецкого этноса в России.

Анализ трансформаций немецкой идентичности проводится нами в контексте конструктивистской теории (Ф. Фукуяма [23]), которая понимает их как форму существования истории, представленной как изменяющиеся представления, образы и мифы в этническом сознании [17]. Исследование истории идентичности германцев и российских немцев и проведение их сравнения является ключевым в попытке найти ответ на вопрос о том, как влияет социальное мифотворчество на процесс конструирования немецкой идентичности.

Принято считать, что свою историю российские немцы ведут от немцев, появившихся в Киевской Руси в конце первого тысячелетия, когда, стремясь к ослаблению зависимости от Византии, киевские князья развивали отношения с народами Западной Европы. Это суждение Н. М. Карамзина передает содержание мифа о немцах, возникшего по причине того, что немцем в это время называли любого человека, прибывающего с территории, где единого народа не проживало. Более того, процессы конструирования и развития германской идентичности на территории, которую занимает современная Германия, начались не ранее XIX в. Из этого можно заключить, что на Русь тогда прибывали представители княжеств, обладающие разными языками и представлениями о себе [6, с. 27].

Таким образом, появление первых немцев в России было проникновением представителей отдельных германских княжеств, которые получали общее имя только в условиях русского окружения, предпочитавшего иностранцев, не говоривших по-русски, называть немцами, то есть немцами. Это подтверждает история конфликта

с Тевтонским орденом, рыцари которого считали себя людьми вне национальности, объединенными для участия в крестовом походе против «последних язычников Европы» [14, с. 22]. Не были люди, называемые немцами, единым народом и во времена XVI-XVII вв., когда в России появились колонисты из европейских государств и германских княжеств. Это мнение косвенно подтверждается точкой зрения Ф. Фукуямы о том, что европейские крестьяне тогда еще не задавались вопросами об этнической идентичности [23]. Однако в России они воспринимались как немцы, и поэтому это слово выступало в роли соционима, обозначающего людей, прибывших с Запада. Когда в русских городах появились официальные иностранные поселения, они стали называться немецкими слободами, несмотря на то, что были населены англичанами, голландцами, датчанами, швейцарцами, итальянцами, французами, шведами, также выходцами из Германии [10, с. 56].

Немецкая слобода, начиная с Ивана Грозного, становится участником политической жизни страны и, следовательно, является объектом мифотворчества, которое проявляется в мифе о пленении оружейника Фюльстерберга. В нем татарский хан называет немцев собаками, наказываемыми русским царем после того, как немцы вручили русским оружие против татар. В русской истории немцы часто становились заложниками политической ситуации, а также недоверия к иностранцам, жизнь которых традиционно сопровождал образ «врага», что ярко проявилось во время бунта стрельцов против Петра I, которого народная молва именovala учеником немецкой слободы. Соратники Софьи предлагали разорить немецкую слободу, а царя Петра убить за то, что уверовал в немцев. Бунт был подавлен, но образ немца как «чужого» не ушел в прошлое. В дальнейшем, когда в Россию прибыли тысячи военных, учёных, учителей, архитекторов, помогавших «прорубить окно в Европу», и продемонстрировали выдающийся пример службы на благо отечества, а не за жалование или поместье, образ «чужого» был дополнен образом немца-специалиста, которого оберегает и ценит государство [18, с. 21].

Вероятно, что на процесс формирования русских немцев повлияла трансформация национального сознания на территории Германии, которая была замечена германскими философами второй половины XVIII в., стремившимися определить для своего народа путь развития. Идеи германского гуманизма и просветительства вели представителей культурной нации, таких как Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, И. И. Георги, И. Э. Фишер, в регионы России с целью проведения научных изысканий, благодаря чему в нашей стране появился такой тип немцев, как представители академических институтов [9, с. 55]. Кроме этого, важную роль в сближении России и Германии играли династические связи царского двора с германскими королевскими домами, в результате чего в России оказалась Екатерина II, которая представляла в образе просвещённой российской императрицы [15, с. 405]. Увеличение количества немцев в России привело к тому, что взаимоотношения русских с немцами в XVIII в. приобрели более тесный характер, чем с другими западноевропейскими народами. Однако это сближение не обошлось без негативного мифотворчества о немецком засилье в науке и во власти. Содержание научного мифа было связано с конфликтом в учёных кругах, инициатором которого стал М. В. Ломоносов, выступивший против немцев, якобы закрывших россиянам доступ в науку. Политический миф был связан с деятельностью Э. И. Бирона, деятельность которого послужила причиной распространения опасений о недоверии императрицы ко всему русскому [2].

Наиболее значимым событием для формирования этнической группы немцев является переселение из европейских стран и германских княжеств, инициатором которого стала Екатерина II. В целях привлечения населения из Европы в этом процессе было применено мифотворчество, выразившееся в содержании манифеста 1763 г., обещавшего, по словам И. И. Сергеева, колонистам права, которыми никогда не пользовалось коренное русское население. Привилегии, обещанные людям, жившим в нужде и лишениях, казались привлекательными, и в Россию покатилась волна переселенцев [20, с. 13]. Характерно, что в большинстве публикаций говорится, что приезжали в нашу страну не немцы, а «иностранцы» и «колонисты» из Западной Европы, потому что вплоть до конца XIX в. среди германских государств, таких как Пруссия, Бавария, Саксония и Ганновер, было много наций, таких как баварская, прусская, баденская, гессенская. Они обладали даже разными религиями, в качестве которых выступали католицизм, лютеранство, баптизм или меннонитство [8, с. 275]. В то время как для внешнего окружения они сливались в единое неправославное целое и служили маркерами, по которым определялась их принадлежность к «чужим».

Отношение к возможности переселения в Россию у жителей германских княжеств изменилось после 1871 г., когда была сформирована Германская империя [4, с. 54]. И хотя на тот момент германцы еще не стали ощущать себя единой нацией, в массовое сознание населения страны начали проникновение такие концепции, как превосходство германского языка, а также древнегерманский миф и имперский миф, которые в будущем станут основой германской идеологии. Арийский миф, среди авторов которого был Ф. Шлегель, на долгое время стал олицетворением представлений о германцах, так как он был нацелен на преодоление партикуляристских настроений среди них и рисовал объединяющий нацию образ «не-германцев», представленных в роли «врагов». Важно, что указанные трансформации отрицательно сказались на положении российских немцев, в колониях которых в 1871 г. было ликвидировано самоуправление [25].

К этому времени немцы в России развивались независимо от Германии не менее 100 лет и были этносом в составе российских народов. Вместе с этим важно, что они оставались немцами, не поддаваясь ассимиляции, и к 1914 г. их было более двух с половиной миллионов человек [19]. По нашему мнению, немцы выделялись среди российских народов наличием особого мифологического нарратива, который базировался на сохранении немецкого языка и касался общих воспоминаний и легенд. С другой стороны, ощущалось давление внешнего мифа, ставшего причиной того, что жизнь россиян сопровождалась представлениями о немцах как о чём-то едином и связанном между собой вне зависимости от истории и места проживания. С. Оболенская

отмечает, что к концу XIX в. представления о немцах определялись недовольством и завистью по отношению к деловым качествам, коммерческим успехам и политическому влиянию немцев в России. Многие мифы касались упрощённого и предосудительного понимания немецкой учёности и нравственности [18, с. 23].

В этих мифах хорошо видна особенность представлений о немцах, которые основывались на вере в наличие реальной и непосредственной, передающейся на генетическом уровне связи с прежней родиной. Этот миф приобрёл архетипические черты и всякий раз актуализировался в периоды социальных кризисов и обострения конфликтов между Россией и Германией [2]. Манифест 1905 г. Николая II внушал надежду на новое развитие немецких поселений. Однако немцы вызвали слишком большой интерес со стороны русского общества, на фоне которого многочисленные стереотипы в отношении немцев и растущей Германии порождали в обществе России фобии и шовинистическое отторжение [19].

Следует сказать, что не все русские разделяли эти страхи. П. Дурново накануне Первой мировой войны в записке Николаю II писал о том, что в отличие от других европейцев немецкие выходцы знают русский язык и имеют верноподданнические отношения с российским государством. В условиях российско-германского противостояния российские немцы заявляли, что будут защищать российское государство [21]. Проблему представляло то, что, прожив всю жизнь в России, они были настолько уверены в своей безопасности, что не позаботились о прошении российского подданства. Однако, когда Россию охватила волна германофобии, начавшейся вместе с Первой мировой войной, об этом им пришлось пожалеть. Политическая элита развернула кампанию, нацеленную на актуализацию патриотизма, вызываемого за счёт пропаганды против Германии и обвинений против российских немцев как не граждан России. Антинемецкий миф широко распространялся средствами информации, в которых немцы представлялись как «пятая колонна». Частью мифологической политики стало переименование Санкт-Петербурга в «истинно русский» Петроград. Вслед за этим начались погромы принадлежащих немцам магазинов, а правительство приступило к разработке и реализации планов интернирования и высылки немцев в отдаленные регионы страны [Там же].

Антинемецкие кампании царского правительства не закончились с распадом Российской империи. Недоверие к немцам отразилось в последующих пропагандистских кампаниях и мифах, исходивших не только от представителей советского сообщества, но и от Германии, которая требовала признания немецких колонистов германскими эмигрантами и установления над ними покровительства Германии. Это имело последствия в виде немедленного признания колонистов гражданами Советской России и организации противодействия для выезда тех из них, кто хотел уехать в Германию. Большое внимание привлекали немцы, участвовавшие в событиях революции и гражданской войны. Ситуацию усложняло то, что многие противники советской власти распространяли миф о германском влиянии на «большевиков», согласно которому Германия вывела Россию из войны, профинансировав социалистический переворот. Последующие за этим опасения в отношении немцев отражались на всех представителях этого народа, многие из которых принимали участие в гражданской войне как со стороны «красных», так и со стороны «белых» [22, с. 10].

Это породило два типа мифологических нарративов, которые применялись в зависимости от того, каким образом необходимо было преподнести образ немца. Образ советских немцев коренным образом отличался от образа немцев, выступающих в роли «пособников мировой контрреволюции и империализма». В мифах о советских немцах такие люди, как Н. Шмидт, Н. Бауман, Э. Квириг, Л. Мартен, В. Шмидт, выступают на стороне большевиков и являются частью мирового пролетариата. В прославляющих советскую власть мифах в образе «земли обетованной» существует «Трудовая коммуна (автономная область) немцев Поволжья», в мифологическом пространстве процветало сельское хозяйство, развивалась промышленность, образование, культура [1].

Миф, направленный против антисоветских немцев, то есть «кулаков» и интеллигенции, формировал иное мифологическое пространство, которое территориально находилось в рамках той же «Немецкой трудовой коммуны», однако у неё была иная история и другие характеристики. Коммуна сформировалась в условиях напряженных отношений с Германией с целью нейтрализации «германских поползновений», дабы не попасть под «германское ярмо». Это была территория ненависти и голода, связанная с деятельностью «комитетов бедноты» и этническим бандитизмом. Неудивительно, что уже в 20-е гг. против немцев начинаются репрессии. Более всего в конце 30-х гг. XX в. немецкое население пострадало от мифа, который утверждал, что они «виноваты потому, что немцы...» [5].

Продолжение существования немецкой идентичности в это время было под угрозой, так как многие старались скрыть своё происхождение. Однако в этом случае фактором сохранения немецкой идентичности стало антинемецкое мифотворчество, которое вынуждало граждан находить немцев, именовать их немцами, а также заставляло немцев, а иногда и не-немцев признавать себя немцами [11, с. 85]. Ещё одним фактором, влияющим на состояние немецкой идентичности, было мифотворчество Германии, в которой после Первой мировой войны начался новый виток формирования германской великодержавной идентичности. Это вносило существенные коррективы в образ Германии за рубежом. В частности, когда гитлеровское правительство с целью проведения идеологической кампании предложило оказать помощь голодающим немцам, то руководство Советского Союза предоставление этой помощи использовало для организации своей пропагандистской кампании. Используя призыв «борьбы с фашизмом», оно начало наступление на российских немцев, у которых были запрещены народные традиции, начались преследования на религиозной почве [7, с. 153].

Однако сами немцы выбирали собственную позицию и презентовали образ советского немца-гражданина, который не совпадал ни с мифологией А. Гитлера, ни с образами сталинской идеологии. Например, в годы Великой Отечественной войны, несмотря на расчёт гитлеровского правительства использовать немецкое

меньшинство как «пятую колонну», советские немцы встали в ряды защитников Советского Союза. Вместе с этим миф о «пятой колонне» повлиял на советскую пропаганду, которая усилила травлю немцев. Под мифологическим предлогом сотрудничества немцев с врагом началось их выселение в восточные регионы. Народный образ немца приобрёл яркие негативные характеристики и разнообразился за счёт распространения прозвищ, таких как «фашисты», «фрицы» и «гансы» [16].

Советские немцы были мобилизованы в трудармию, где с ними обращались как с предателями. При этом сами немцы не противопоставляли себя советскому режиму, и даже с риском для жизни убегали на фронт, где воевали под чужим именем. Очевидно, что советская идентичность у них доминировала над этнической. Трудармию упразднили в 1946 г., однако надежды немцев на снятие обвинений не оправдались. Политика, нацеленная на ущемление прав немецкого населения, была усилена. Существенное влияние на восприятие образа немца оказали пленные германские солдаты и вывезенные из Германии «остарбайтеры», немцы, угнанные на территорию Германии в период войны. Они работали на строительных объектах и использовались в коммунальном хозяйстве. О жизни пленных немцев говорить было не принято. Однако бытовое сознание сохранило память о немецком отношении к работе, которое стало нарицательным и породило миф: «конечно, это ведь немцы строили» [3, с. 94].

В целом репрессивные меры сталинского периода, сформировавшие особую социальную мифологию, были направлены на разрушение культуры немцев, ограничение употребления немецкого языка, религиозных обрядов, этнических традиций. Это негативно сказалось на воспроизводстве их идентичности. Большинство немцев военного поколения освоились с ролью социальных изгоев и не ждали к себе благосклонного отношения [8, с. 280].

Изменение отношения к немцам на уровне государственной власти началось после смерти И. Сталина, но зависело не только от этого. Дело в том, что процесс восстановления в правах для российских немцев совпал по времени с процессами трансформации самосознания населения Германии, которое переживало кризис национальной идентичности, возникший в связи с поражением Третьего Рейха. На фоне кризиса этнической идентичности населения Германии в Советском Союзе происходит постепенный отход от политики репрессий к политике, нацеленной на восстановление прав немецкого населения, которое больше не представляло опасности. Этот процесс был также обусловлен необходимостью поддержки ГДР, которая, как отмечает А. Ассман, была сконструирована в рамках восточного политического блока [1].

Велика роль Указов руководства СССР, в которых признавалось, что немцы своим трудом помогали победе Советского Союза. Но сами они ещё долго не могли возвратиться в места, откуда они были выселены, и были окончательно реабилитированы только в 1989 г. К тому времени произошли изменения, которые касались трансформации образа жизни немцев. Во-первых, их выселение и упразднение автономной республики сформировали комплекс обиды, усугубившийся в связи с тем, что все народности, кроме немцев, выселенные в период войны со своих территорий, вновь обрели государственность. Во-вторых, у немецких граждан, переставших жить в условиях спецпоселений, наметилась тенденция к ассимиляции. Это привело к тому, что сохранение национальной идентичности теперь стало осознаваемой проблемой. Изменения происходили на фоне общего мифологического восприятия, в рамках которого в немцах продолжали видеть людей, связанных с преступлениями фашистов [13].

Горбачевская перестройка, которая, как казалось, могла бы дать новое начало процессам возрождения немецкой идентичности, на деле привела к массовому выезду немцев в Германию, представшую не только в образе исторической родины, но и земли обетованной для людей, переживающих непростые условия социального кризиса [24, с. 273]. Трудности современных немцев заключаются в том, что население России чаще всего не знает истории немцев и живет под влиянием мифа о том, что немцы в нашей стране являются потомками пленных в годы Великой Отечественной войны. К ним проявляются недоверие, подозрительность, создаются препятствия в прописке, приеме на работу, продвижении по службе, зачислении в высшие учебные заведения. Все эти события приводят к усилению активности, направленной на переезд немцев на историческую родину. Между тем после распада СССР сами немцы стали называть себя российскими немцами, и они осознают, что Германия уже не их родина [1]. Их идентичность, по мнению В. С. Курске, может определяться и как русские и немцы, и как не русские и не немцы. Многие из них не могут определить свою идентичность, т.к. являются наполовину русскими, наполовину – немцами. Некоторые затрудняются потому, что среди их предков были люди самых разных национальностей. Другие говорят, что, например, в России они ощущают себя немцами, а когда приезжают в Германию, «где немцы другие», ощущают себя русскими [12, с. 12]. Таким образом, для тех, кто считает себя российскими немцами, характерна множественная, или «плавающая», этническая идентичность. Она может меняться, и ведущим фактором этих изменений является социальное мифотворчество, взаимодействие с которым формирует актуальные представления о себе у группы, находящейся в определённых социальных условиях.

В результате необходимо зафиксировать, что на территории России сконструирована особая сфера немецкой культуры, отображающаяся в понятии «немецкий мир», концептуальность которого определяется объективным ходом историко-культурного процесса, в рамках которого зарождалась и развивалась культура немцев, основанная на взаимодействии с русской культурой в условиях многолетней территориальной раздробленности немецких общин. Утверждая наличие немецкого мира на территории России, мы имеем в виду наличие широкого спектра этнических сообществ, в которых определяющую роль играет немецкая идентичность, сконструированная в сознании немцев и русских как семиотическое явление благодаря активному многолетнему взаимодействию.

Подведем итоги.

1. Проведённый анализ показал наличие тесной взаимосвязи процессов социального мифотворчества и конструирования идентичности российских немцев, ощущающих на себе последствия неравномерного социального развития и противоречий между Россией и Германией. Причина этого состоит в том, что в глазах своих этнических соседей «германцы», а затем «немцы» стали единым народом намного раньше, чем осознали это сами. Попадая в рамки русского, а затем российского социокультурного окружения, представители германских княжеств получали навязанное этническое имя и этническую мифологию, состоящую в понятии о немцах, фиксирующем мифологическое отношение к этому народу как к «чужим». Содержание мифов о немцах констатирует, что, одной стороны, немцы выполняют практически важную для России функцию, обеспечивая русских необходимыми умениями и технологиями, с другой – русскими немцы воспринимаются как скрытый «враг», подвергаемый уничтожению в случае ожиданий угрозы извне.

2. Немаловажную роль в формировании немецкой национальной идентичности играет социальная мифология германского государства, которое предпринимает усилия, направленные на консолидацию германцев. Однако идентичность германцев, связанная с мифом, который был сформулирован как попытка отыскать особый национальный путь развития, отличается от идентичности немцев. Соотношение разных уровней идентичности у немцев и германцев показывает, что у немцев, проживающих на территории России, и германцев различная историческая память и различное соотношение структуры самовосприятия.

3. Ключевым вопросом идентичности российских немцев является «немецкий вопрос», включающий конструкцию аспектов, составляющих символический капитал этого народа, формирующийся на территории России. Ведущим фактором современных трансформаций немецкой идентичности является их собственный миф об «утраченной родине», оказывающий влияние на них в контексте проблем преодоления «прошлого» и включения их в германскую гражданскую общность. Таким образом, процесс формирования идентичности народа, известного в России как немцы, имеет конструируемую природу и выраженную социальную обусловленность, что влияет на формирование особого, «плавающего» характера немецкой идентичности.

Список литературы

1. Ауман В. История российских немцев [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusdeutsch-panorama.ru/article.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=14126 (дата обращения: 03.02.2016).
2. Баумгертнер В. Ф. Немцы: два с половиной века в России по высочайшему приглашению. Что дальше? [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusdeutsch-panorama.ru/article.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=34475 (дата обращения: 12.03.2016).
3. Бехер И. А., Калюга А. Е. К вопросу от депортации советских немцев // Люди и судьбы. XX век: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 2003. С. 93-101.
4. Бусыгина И. М. Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 1999. 352 с.
5. Виллемс И. Немецкие лютеране – переселенцы из России в Германию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/tr27/02Russian.html> (дата обращения: 12.03.2016).
6. Герман А. А. История немцев России. М.: МНСК-Пресс, 2005. 415 с.
7. Дзагов Р. Н. Немцы в этнокультурном пространстве Кабардино-Балкарии: история и современность // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 5 (49). С. 150-156.
8. Дик Й. Исторические корни и соотношение конфессиональных и этнических границ в меннонитской идентичности в СССР // Государство, религия, церковь. 2014. № 4. С. 275-294.
9. Жуков А. В., Жукова А. А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41). Ч. 1. С. 54-58.
10. Зуев А. С., Люцидарская А. А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII века // Вестник НГУ. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 53-69.
11. Константинов М. В. Судьбы сибирских ученых эпохи Гулага // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 85-90.
12. Курске В. С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): дисс. ... к. соц. н. М., 2011. 181 с.
13. Миф о немецком духе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/1860063.html> (дата обращения: 14.03.2016).
14. Нагорная О. С. Национальный миф Танненберга и политическая культура Германии (1914-1934): дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2002. 208 с.
15. Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М.: ИДК «Зерцало-М», 2005. 495 с.
16. Национальные прозвища [Электронный ресурс]. URL: http://www.molomo.ru/inquiry/national_nicknames.html (дата обращения: 07.03.2016).
17. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения: 05.03.2016).
18. Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2000. 209 с.
19. Правительствующие немцы. Фобии русского общества в отношении немцев в канун Первой мировой войны [Электронный ресурс]. URL: <http://rusplt.ru/ww1/history/pravitelstvuyuschie-nemtsy-12438.html> (дата обращения: 16.03.2016).
20. Сергеев И. И. Мирное завоевание России немцами. Пг.: Типо-Литография Н. И. Евстифеева, 1914. 94 с.

21. **Скворцова В.** Немецкие шпионы против России в Первую мировую войну [Электронный ресурс]. URL: <http://armflot.ru/index.php/razvedka/740-nemetskie-shpionu-protiv-rossii-v-pervuyu-mirovuyu-voynu> (дата обращения: 12.03.2016).
22. **Соболев Г. Л.** Русская революция и «немецкое золото». СПб.: Нева, 2002. 95 с.
23. **Фукуяма Ф.** Проблемы европейской идентичности [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/9047> (дата обращения: 14.03.2016).
24. **Хайдеман Г.** Экономические, социальные и психологические аспекты объединения Германии спустя 20 лет: успехи и ошибки развития // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 7. С. 273-291.
25. **Шнирельман В.** Арийский миф в современном мире [Электронный ресурс]. URL: http://bookz.ru/authors/viktor-bniirelman/ariiskii_555/page-2-ariiskii_555.html (дата обращения: 02.03.2016).
26. **Шульце П.** Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 177-184.

INFLUENCE OF SOCIAL MYTH-MAKING ON TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN GERMANS' IDENTITY

Sokolov Aleksandr Yur'evich
Transbaikal State University
science_museum_center@mail.ru

The article attempts to analyze the influence of social myth-making on the transformations of the Russian Germans' ethnic identity. The results of the research show that close relationship between social myth-making and the construction of the identity of the Russian Germans depended on uneven social development and contradictions between Germany and Russia. The author proves that the Germans living in Russia and the Germans living in Germany have different historical memory and different correlation of the structure of self-perception.

Key words and phrases: social myth-making; the Russian Germans; the Germans living in Germany; German identity; self-perception; "German issue"; "floating" identity.

УДК 937.07

Исторические науки и археология

В статье анализируются особенности votивных (посвячительных) памятников римских воинов эпохи принципата (I-III вв.), поставленных богам в благодарность за выздоровление (pro salute). Специальные исследования по этой тематике, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, отсутствуют. Подчеркивается, что посвящения воинов, в отличие от надписей гражданского населения, несли в себе значительные черты романизации.

Ключевые слова и фразы: религия римской армии; греческие культы; принципат; Асклепий; Эскулап; легионы; вспомогательные войска.

Соловьянов Николай Иванович, к.и.н., доцент

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
nikolai_solovyunov@mail.ru

ГРЕЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ В ПАНТЕОНЕ РИМСКОЙ АРМИИ В I-III ВВ. АСКЛЕПИЙ

Общеизвестно, что величие такой мировой средиземноморской державы, как Римская империя держалось на двух столпах: мощи императорской армии и религиозности жителей. Еще Полибий утверждал, что «...важнейшее преимущество римского государства состоит... в воззрениях римлян на богов. <...> Богобоязнь у римлян составляет основу государства. И в самом деле, она у них облекается в столь грозные формы и в такой мере проходит в частную и государственную жизнь, что невозможно идти дальше в этом отношении...» (Polyb. VI. 56. 6).

С момента своего основания этрусками как форпоста против вторжения в Этрурию эллинов и карфагенян в нижнем течении Тибра (753 г. до н.э.) Рим был обречен на ведение войн, сначала оборонительных, а затем и наступательных: а это убитые, раненные и, что еще страшнее, искалеченные сограждане. Казалось бы, римляне должны были создать обширный пантеон богов-лекарей, исцелителей, но этого не произошло. В западной части Империи функции богов-целителей исполняли самые различные божества. Только после начала контактов с эллинами римляне заимствовали у них специализированный круг богов-врачевателей во главе с Асклепием, в римском варианте – Эскулапом.

Хотя работ, упоминающих Асклепия, в отечественной и зарубежной литературе достаточно много, все они являются источниковедческими, т.е. публикациями эпиграфических памятников. Аналитических работ, посвященных особенностям отправления культа, особенно воинами римской армии, мы не встречали.